

Маркевич Болеслав Михайлович

Бездна. Правдивая история

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б79

Б79 **Болеслав Михайлович М.**
Бездна. Правдивая история: Часть 1 / Маркевич Болеслав Михайлович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 317 с.

ISBN 978-5-519-95427-3

ISBN 978-5-519-95427-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

растрепавшихся волосъ кругомъ правильнаго, строго-овальнаго и блѣднаго лица. Надъ большими, цвѣта aquae marinae глазами рѣзко выдѣлялись отъ этой блѣдности кожи тонкія, какъ говорится, въ ниточку, дуги почти совершенно черныхъ бровей... „Берегись женщины блѣдной, черноволосой и голубо-глазой“, говорятъ въ Испаніи...

Она курила и ждала, улершись взглядомъ въ растворенную дверь храма, откуда доносилось до нея уныло торопливое шамканье стараго дьячка.

Такъ прошло съ четверть часа.

Но вотъ на проросшую травой каменную палерть вышелъ изъ церкви бѣлокурый, статный молодой человѣкъ лѣтъ тридцати съ чѣмъ-то, съ пушистою свѣтлою бородкой и милостивымъ выраженіемъ свѣжаго и нѣжнаго какъ у женщины лица. Онъ сразу замѣтилъ дѣвушку и, съ мгновенно засіявшимъ пламенемъ въ глазахъ, послѣдно сбѣжалъ со ступенекъ къ ней.

— Что жъ это вы до богомольства уже дошли? съ какою-то холодною ѣдкостью насмѣшки спросила она его первымъ словомъ, не трогаясь съ мѣста.

Онъ покраснѣлъ, не находя отвѣта, смущенный не то вопросомъ, не то радостною неожиданностью встрѣчи съ нею.

— Да-съ, вотъ проѣзжали, зашли, возразилъ за него грубоватымъ тономъ вышедшій вслѣдъ за молодымъ человѣкомъ толстякъ среднихъ лѣтъ, въ черелачовыхъ очкахъ и просторномъ люстриновомъ пальто, — не мѣшало бы и вамъ, полагаю, зайти лобикъ перекрестить: завтра большой праздникъ, второй Спасъ...

— Ахъ, докторъ, это вы! перебила она его съ пренебрежительнымъ движеніемъ губъ, въ отвѣтъ на его замѣчаніе:— Вы къ намъ? Сестра посылала къ вамъ сегодня нарочно...

— Да-съ; посмотримъ вотъ на него, посмотримъ... Новые симптомы какіе-нибудь замѣтили?

— Все то же!.. Возбужденъ очень былъ вчера вечеромъ, ночью никому спать не далъ...

Толстякъ скорчилъ гримасу:

— Ну, и требовалъ?..

— Само собою!

— И дали?.. Сколько?

— Не знаю, спросите сестру... Я въ это не вмѣшиваюсь,— гадко! воскликнула она вдругъ съ отвращеніемъ, подымаясь со своей плиты и направляясь за оградю.

— А на чьей это могилкѣ изволили вы проклажаться между прочимъ? спросилъ; оглянувъ покинутое ею сидѣніе, все съ тою же гримасой на толстыхъ губахъ, докторъ, въ которомъ читатель, смѣемъ надѣяться, успѣлъ узнать знакомаго ему Николая Ивановича Оирсова. *

— Не знаю, отвѣтила она чрезъ плечо,—кого-нибудь изъ доблестныхъ предковъ, надо полагать...

Онъ быстро и значительно поглядѣлъ на молодаго человѣка, какъ бы говоря: „хороша, а?“ Тотъ подавилъ вырывавшійся изъ груди его вздохъ и опустилъ глаза.

— Прикажете, я васъ довезу, Антонина Дмитріевна? спросилъ ее Оирсовъ, когда они втроемъ вышли на дорогу гдѣ стоялъ экипажъ пріѣзжихъ.

— А Григорій Павловичъ какъ же? Въ этой таратайкѣ, третьему мѣста нѣтъ.

— А Григорій Павловичъ маленько подождетъ меня.. Я къ вамъ вѣдь не на долго-съ. Мы вотъ слышимъ чтобы засвѣтло къ нимъ въ Углы послѣтъ; у Павла Григорьевича Юшкова олять подагра разыгралась.

Антонина Дмитріевна пронически прищурилась на него:

— А я предлагаю вамъ ѣхать одному. Это будетъ удобнѣе для васъ... и для меня. А мы васъ съ Григоріемъ Павловичемъ подождемъ въ саду... Пойдемте, Григорій Павловичъ,

* *Переложъ*, часть IV.

проговорила она чуть не повелительно, двигаясь по краешку пыльной дороги.

Молодой человек послушно пошел за нею.

Доктор досадливо поглядывал ему во след, но делать было нечего: он крикнул, ввалился кое-как с помощью кучера в тележку, и покатил в усадьбу.

— Вам запрещено к намъ ѣздить? не замедляя шага и не глядя на своего спутника спросила его неожиданно дѣвушка.

Ему точно кто плеснул водой въ лицо. Онъ вскинул на нее сверкнувшіе глаза, но сдержался.

— Я не мальчикъ на помочахъ, Антонина Дмитріевна, выговорилъ онъ насколько могъ спокойно, — и вашъ вопросъ по меньшей мѣрѣ страненъ...

— И чтобы вы не вздумали послушаться, къ вамъ даже менторъ приставленъ, продолжала она тѣмъ же тономъ, будто и не слышала вовсе его возраженія.

— Менторъ? кто это?..

— А вотъ этотъ Фальстафъ который васъ по заутренямъ возить. Скажете—нѣтъ?

И она громко разсмѣялась:

— Какъ онъ это тонко придумалъ увезти меня чтобы спасти своего Телемака отъ соблазна, и какъ должно-быть бѣсится теперь что это ему не удалось!.. Какой отвѣтъ въ самомъ дѣлѣ будетъ онъ теперь Троекуровымъ держать?..

Досадой и тоской отзывались эти *шпильки* въ душѣ молодого человека. На лицѣ его сказывалось страданіе.

— Къ чему говорите вы мнѣ этотъ... вздоръ? вырвалось у него невольно.

— Не „взоръ“—это вы напрасно! Кому же не извѣстно что вы состоите на положеніи любимчика у здѣшняго великаго *генерала*, насмѣшливо подчеркнула она, — и что вы имъ предназначаетесь въ мужья его Машеньки? Онъ поэтому, какъ дальновидный господинъ, и счелъ нужнымъ установить заранѣе наблюденіе за вашею *moralité*.

— Ничего подобного нѣтъ и не бывало! горячо протестовалъ Юшковъ: — Машенька Троекурова—пятнадцатилѣтняя еще дѣвочка, родителямъ ея вѣроятно и въ голову до сихъ поръ не приходило думать о ея замужествѣ... И не такіе они люди вообще чтобы загадывать объ этомъ заранее... Я эту семью глубоко уважаю и люблю, Антонина Дмитриевна, послѣшилъ онъ прибавить вѣско, въ очевидномъ намѣреніи не допускать ее продолжать разговоръ въ этомъ тонѣ,—а Борису Васильевичу лично многимъ обязанъ...

— Какъ же, слышала, невозмутимо объяснила она: — отъ жандармовъ спасъ когда-то и нигилиста обратилъ въ вѣрно-подданнаго и „блюстителя основъ“, какъ говоритъ Щедринъ.

Юшковъ вспыхнулъ до самыхъ волосъ. Онъ разсердился не на шутку.

— Вы напрасно думаете уколоть меня вашими насмѣшками, проговорилъ онъ дрожащимъ отъ внутренняго возбужденія голосомъ, — я убѣжденія мои не считаю нужнымъ оправдывать ни предъ кѣмъ.

Она обернулась къ нему и широко улыбнулась:

— Я васъ объ этомъ и не прошу. Какое мнѣ дѣло до вашихъ, да и до чьихъ бы ни было „убѣжденій“? У меня у самой ихъ никакихъ нѣтъ.

Улыбка у нея была прелестна, а низкій гортанный голосъ, мягкій и проникающій, такъ и просился въ душу молодого человека. Гнѣвъ его стихъ мгновенно.

— Мнѣ никто не „запрещаетъ“ и запретить не можетъ бывать у васъ, Антонина Дмитриевна, началъ онъ чрезъ минуту съ замѣтною уже робостью и прерываясь въ рѣчи,—но, признаюсь вамъ, я самъ... удерживаюсь, и еслибы не встрѣтилъ васъ сейчасъ, я... дѣйствительно... я не вошелъ бы къ вамъ въ домъ, а дождался бы вотъ тутъ, у церкви, пока Николай Ивановичъ не вернулся бы отъ вашего батюшки...

— Очень любезно! Почему же это такъ, можете отвѣтить?

— Вы сами знаете...

— Чтò я знаю?

— То что вамъ до меня никакого дѣла нѣтъ.

— Нѣтъ, медленно промолвила она, — я люблю такихъ... *невинныхъ* какъ вы.

Онъ готовъ былъ разсердиться опять...

— Это я вамъ не въ укоръ говорю, успокоительно добавила она:—напротивъ! Сама я можетъ-быть чувствовала бы себя счастливѣе еслибы могла, вотъ какъ вы, во что-то вѣрить, чему-то *служить*...

— Да развѣ безъ этого, скажите, можно жить? съ оттѣнкомъ чуть не отчаянія перебилъ онъ ее.

— Вотъ какъ видите, засмѣялась она, выпрямляясь вся, словно для того чтобы дать ему возможность оцѣнить весь безукоризненный складъ ея роскошнаго облика,—и даже желѣзнымъ здоровьемъ пользоваться при этомъ.

Онъ бессознательнымъ движеніемъ схватился за голову.

— Зачѣмъ напускаете вы на себя такой цинизмъ, Антолина Дмитриевна!

Она пожала плечами:

— Кто же вамъ сказалъ что я „напускаю на себя“, во-первыхъ; и почему правда, по вашему,—„цинизмъ“?

— Да развѣ можно такъ думать въ ваши годы, съ вашею наружностью... при вашемъ умѣ, наконецъ? пылко воскликнулъ онъ;—неужели „ничего во всей природѣ“, какъ сказалъ Пушкинъ, благословить вы не хотите?

— Ни кто и ни чтò „во всей природѣ“ въ благословеніи моемъ не нуждается, иронически возразила она на это.

— Вѣдь это ужасно! продолжалъ онъ горячиться.—Я первую такую какъ вы дѣвушку—женщину вообще—встрѣчаю въ жизни. И я не хочу вѣрить, не вѣрю чтобъ это было искренно... Нѣтъ въ мірѣ, даже въ животномъ мірѣ, существа которое могло бы обойтись безъ привязанности, безъ ласки... безъ любви.

— На языкъ науки то что называете вы „любовью“ имѣетъ другое имя, безпощадно отрѣзала она въ отвѣтъ:—вы напрасно о „животномъ мірѣ“ упомянули. Физиологія не допускаетъ произвольныхъ фантазій вашей *эстетики*.

Онъ не отвѣчалъ: это было уже слишкомъ рѣзко, слишкомъ „цинично“, дѣйствительно...

Они стояли теперь предъ ровомъ окаймлявшимъ старый, пространный и запущенный садъ усадьбы ея отца. Ровъ успѣло уже почти до верху завалить отъ времени и неприсмотра. Люди и животныя ближайшихъ деревень равно безпрепятственно проникали чрезъ него для всякой своей потребности въ этотъ „барскій“ садъ,—разбитый при Елисаветѣ искуснымъ въ своемъ дѣлѣ Французомъ, выписаннымъ изъ Версаля тогдашнимъ владѣльцемъ Юрьева, генералъ-поручикомъ Артеміемъ Ларіоновичемъ Буйновымъ, сподвижникомъ Алраксина и Ласси въ Семилѣтней Войнѣ,—и распорядились въ немъ на полной своей волюшкѣ: поѣдали и выталтывали молодую поросль, сдирали кору съ липъ и березъ, рубили на вѣники сиреневые кусты... Слѣды старыхъ аллей давно исчезли; ихъ замѣнили змѣившіяся во всѣ стороны тропинки, проложенныя овцами и крестьянскими дѣтьми, бѣгавшими сюда, въ силу старой рутинѣ, „по ягодки и орѣшки“ давно уже повыведенные здѣсь въ общемъ разорѣ... Угрюмо звенѣли посохлыя вершины, чернѣли лѣны поломанныхъ бурей или сваленныхъ наслѣхъ воровскимъ топоромъ вѣковыхъ деревьевъ; вытравленная скотомъ на луговинахъ трава выбивалась кое-гдѣ по низамъ приземистою, жидкою отавой...

Юшковъ вслѣдъ за Антониной Дмитріевной перепрыгнувъ черезъ ровъ и очутился съ нею въ саду. Она молча, бережно и гадливо глядя себѣ подъ-ноги, повела его извилистою тропинкой, по направленію къ видѣвшейся издали каменной скамьѣ, сѣрѣвшей подъ низкими вѣтвями коряваго старого дуба.

— Знаете вы какъ называлось это мѣсто въ старину? спросила она вдругъ, дойдя до него и обарачиваясь къ своему спутнику.

— Не знаю.

— *Храмъ утѣхъ.*

Онъ засмѣялся.

— Серіозно! Тутъ стояла, говорятъ, статуя Венеры, и напудренные бабушки назначали здѣсь по ночамъ своимъ любовнымъ амурнымъ rendez-vous.

Молодаго человѣка снова покорило отъ этихъ словъ.

Она замѣтила это и надменно повела губами:

— Чтò, не понравилось выраженіе? *Mauvais genre* находите?

— Нахожу некрасивымъ, да, твердо произнесъ онъ, — но меня еще болѣе возмущаетъ эта вѣчная злоба въ вашихъ рѣчахъ.

— Злоба! повторила она какъ бы невольно, опускаясь на скамью, глянула ему прямо въ лицо и проговорила отчеканивая:

То сердце не научится любить

Которое устало ненавидѣть*.

Жуткое чувство охватило его вдругъ. Онъ точно въ первый разъ видѣлъ теперь эти глаза... Въ первый разъ, дѣйствительно, поражало его въ соединеніи съ тѣмъ чтò выговорено было ею сейчасъ соотвѣтствующее выраженіе ея голубыхъ, съ мертвеннымъ блескомъ цвѣтнаго камня глазъ... „Тутъ все порѣшено и похоронено, тутъ ни пощады, ни возврата къ свѣту нѣтъ“, пронеслось у него въ мысли внезапнымъ и скорбнымъ откровеніемъ... По тѣлу его пробѣжала нервная дрожь; онъ сѣлъ подлѣ нея, провелъ себѣ рукой по лицу:

— Вы рѣшительно желаете упорствовать въ своемъ человѣко- и міроненавидѣніи? сказалъ онъ насилуованно-шутливымъ тономъ.

* Некрасовъ.

— А вамъ бы очень хотѣлось помирить меня съ ними?

Онъ быстро поднялъ голову:

— Да, я долго лелѣялъ въ душѣ эту надежду.

— А Троекуровъ что же... а ваши луритане—отецъ и дядюшка—что бы сказали?

Онъ готовился отвѣтить... Она остановила его движеніемъ руки:

— Нѣтъ, пожалуйста безъ объясненій, я знаю заранее все что можете вы мнѣ сказать. Это потеря словъ была бы одна...

— Позвольте однако, Антонина Дмитриевна, воскликнулъ онъ неудержимо, уносимый тѣмъ страннымъ, мучительнымъ обаяніемъ которое, несмотря ни на что, производила она на него,—я хотѣлъ только заявить что еслибы вы захотѣли...

— Вы бы не остановились ни предъ какимъ препятствіемъ, договорила она за него:—знаю напередъ, я вамъ сказала. И я на это отвѣчу вамъ со свойственнымъ мнѣ „цинизмомъ“, какъ вы выражаетесь. Я бы со своей стороны ни на что и ни на кого не поглядѣла еслибы выйти за васъ замужъ почитала для себя выгоднымъ. Но я этого не нахожу.

Онъ перемѣнился въ лицѣ, растерянно взглянулъ на нее...

Она обвела взглядомъ кругомъ:

— Вы видите это разореніе, нищету, мерзость? Мнѣ нужно по меньшей мѣрѣ полтораста тысячъ дохода чтобы вознаграждать себя за все то что выносила я до сихъ поръ среди этого.

— Я ихъ не могу вамъ дать! съ прорывавшимся въ голосѣ негодованіемъ выговорилъ Юшковъ.

— Я знаю, невозмутимо подтвердила она;—а Сусальцевъ повергаетъ ихъ къ моимъ ногамъ, промолвила она съ ироническимъ лабосомъ.

— Вы думаете идти за Сусальцева? чуть не крикомъ крикнулъ молодой человѣкъ.

— А что?

— Вѣдь это кулчина, человѣкъ инаго міра, инаго воспитанія!..

Она перебила его смѣхомъ:

— Сословные предразсудки en l'an du Christ dix huit cent septante six, какъ выражается мой маркизъ лапаша? Вы прелестны своею наивною, Григорій Павловичъ!..

— Вы правы, воскликнулъ онъ опять, вскакивая съ мѣста,— я наивенъ, я глупъ,—я совсѣмъ глупъ, чувствую! Предъ вашею реальностью мнѣ остается только смиренно преклониться, подчеркнул онъ съ какимъ-то ребяческимъ намѣреніемъ уколоть ее въ свою очередь.

Она и бровью не моргнула на это.

— Какъ жаль что сестра моя Настя не видитъ васъ въ этомъ прекрасномъ негодованіи, медленно проронила она;— она почитаетъ себя нигилисткой, но имѣетъ сердце чувствительное и питаетъ въ немъ тайное, но страстное обожаніе къ вамъ.

— Вашъ сарказмъ и сестру родную не щадитъ! возразилъ онъ досадливо, морщась и краснѣя невольно.

— Напротивъ, это я изъ участія къ ней. А что вы непослѣдовательны, въ этомъ я не виновата.

— Чѣмъ „непослѣдователенъ“? недоумѣло спросилъ онъ.

— Вы такъ хлопчете о спасеніи, о примиреніи съ жизнью женскихъ душъ погибающихъ въ „отрицаніи“. Отчего же относитесь вы неотступно съ этимъ ко мнѣ,—къ *неисцѣлимой*, вы знаете,—а не попробуете тамъ гдѣ дѣйствительно, я вамъ отвѣчаю, „елей вашихъ рѣчей благоуханныхъ“ можетъ пойти въ прокъ... Или въ самомъ дѣлѣ, примолвила она, зорко остановивъ на немъ загадочный взглядъ,—олицетворяющееся во мнѣ *зло* имѣетъ такую неотразимую привлекательность для добродѣтельныхъ *эстетиковъ* какъ вы?

Юшковъ растерянно взглянулъ на нее — и не нашелъ еще разъ отвѣта...

II.

Ed or, negletto e vilipeso, giace

In le sue case, pover, vecchio e cieco...

Machiavelli.

Докторъ Опрсовъ, между тѣмъ, вѣхавъ на *красный* дворъ усадьбы, давно поросшей травой и на которомъ паслись теперь три стреноженные чахлыя лошади, велѣлъ остановиться предъ крыльцомъ длиннаго, каменнаго дома, съ такимъ же надъ середкой его каменнымъ мезониномъ, построеннаго въ томъ казарменномъ стилѣ *яцкиомъ*, въ какомъ строилось все и вся въ русскихъ городахъ и селахъ въ Александровскую и Николаевскую архитектурныя эпохи. Онъ осторожно спустилъ съ телѣжки свое громоздкое туловище и, приказавъ кучеру отъѣхать ждать его на большую дорогу позади сада, прошелъ въ открытыя настежь стѣны, не совсѣмъ довѣрчиво ступая подошвами по разохшимся и развѣхавшимся мѣстами половицамъ. Стѣны вели въ огромную, бывшую танцевальную залу съ безчисленнымъ количествомъ оконъ по длинѣ ея и ширинѣ, съ полуобвалившеюся штукатуркой росписаннаго букетами плафона и съ разбитыми стеклами взбухшихъ и загнившихъ рамъ, хлопавшихъ отъ сквознаго вѣтра съ трескомъ ружейнаго выстрѣла; вмѣсто всякой мебели стоялъ въ этой залѣ объемистый, нагруженный лудовыми булыжниками, катокъ для бѣлья и, отъ окна къ окну, подвизанныя концами къ задвижкамъ, тянулись веревки, на которыхъ просыхали какія-то женскія те-